

INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF PANDEMIC: CONSEQUENCES FOR THE INDIVIDUAL AND STATE

Natalia V. Kuzina

Center of Research of Problems of Safety of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
Email: [nvkuzina\[at\]mail.ru](mailto:nvkuzina@mail.ru)

Abstract

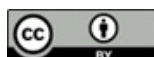
Pandemics are social disasters provoking panic, acute stress and post-traumatic stress disorder, massive aggression, and other psycho-emotional and behavioural disorders. The strength of these reactions is associated with informational conditioning of a person in a period when archaic layers that cannot be rationalized are actualized in their psyche. The time has come for the analysis of information strategies that reinforce or deactivate the feelings of uncertainty and vital threat that arose in society. The paper explores psychological defences and coping strategies, forms of aggression and hostility that take place during a pandemic and similar disasters. The study also includes an assessment of the Russian-language Internet content from April to August 2020, affecting the COVID-19 pandemic from the point of view of information security. We analysed the techniques of cyber fraud and phishing.

The author reveals effectiveness of communicating information using the image of an eyewitness of events or an expert. The position of an observer-journalist is rarely effective in reducing social tension. In panic, society needs samples of adaptive behaviour and directives, humour that relieves fear. The reason for the panic and aggression is the low level of awareness of the population as well as following false authority.

The results obtained can be used by experts in the field of information security, state and municipal employees, students and postgraduate students, the journalistic community.

Keywords

social security; information security; economic security; social psychology; mass panic; mass aggression; Pandemic; internet content; COVID-19; Phishing

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПСИХИКА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА

Кузина Наталья Владимировна

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук. Москва, Россия.

Email: [nvkuzina\[at\]mail.ru](mailto:nvkuzina@mail.ru)

Аннотация

Пандемии относятся к числу социальных катастроф, провоцирующих панику, острое стрессовое и посттравматическое стрессовое расстройство, массовую агрессию, другие нарушения поведенческих реакций социума. Сила данных реакций связана с информационным воздействием на человека в период, когда в его психике оказываются актуализированы не поддающиеся рациональному контролю архаичные слои. Хотя угрозы пандемии еще не отступили, уже пришло время анализа информационных стратегий, усиливавших или дезактуализировавших ощущения неопределенности и витальной угрозы, возникавших в социуме. В исследовании были рассмотрены психологические защиты и копинг-стратегии, формы проявления агрессии и враждебности, актуальные в период пандемии. Произведена оценка русскоязычного интернет-контента апреля – августа 2020, затрагивающего проблематику пандемии COVID-19, с точки зрения социальной и информационной безопасности. Обсуждается также вопрос о приемах кибермошенничества и фишинга.

Констатируется эффективность доведения информации с использованием образа очевидца событий или эксперта. Реже эффективной для снижения социальной напряженности является позиция наблюдателя-журналиста. Социум при панике нуждается в образцах адаптивного поведения и директивах, снимающем страх юморе. Причиной паники и агрессии оказывается низкий уровень знаний населения, установка на ложный авторитет.

Результаты исследования могут быть использованы специалистами в области информационной безопасности, государственными и муниципальными служащими, студентами и аспирантами, журналистским сообществом.

Ключевые слова

Социальная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; социальная психология; массовая паника; массовая агрессия; пандемия; интернет-контент; COVID-19; фишинг

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Всё мировое общество весной 2020 г. разделилось на мир до и в период пандемии. Важнейшим в жизни социума стал символ границы, рубежа и архетипический, актуализирующий архаические принципы табу, мотив запрета преодоления данной границы (понятие социальной дистанции, самоизоляции, карантина, закрытие общественных пространств и др.). Можно говорить о пандемическом фронтире, пандемическом хронотопе (архетипическом, пограничном между бытием и небытием, времени / месте), складывании нового пандемического и пост-пандемического уклада жизни.

Человеческая психика имеет наибольшую уязвимость именно перед неопределенностью (в психодиагностике важнейшей чертой устойчивой психики является «толерантность к неопределенности») и перед неотвратимой витальной угрозой (страх смерти). Данные факторы возрождают к жизни её архаические, неподконтрольные сознанию и рациональному анализу механизмы.

Мир выйдет из периода пандемии иным. Уже наступает время для подведения предварительных итогов: анализа основных допущенных ошибок, аудита уязвимостей государственной системы управления и функционирования системы здравоохранения, а также – для анализа конструктивных и деструктивных информационных стратегий, от выбора которых во многом зависит поведение (и порядок потерь) общества в период экстремальных ситуаций и паники (Аверков и др., 2020; Горенков и др., 2020; Никифоров, Суранова, Чернобровкина, Янковская, & Бурова, 2020; «COVID-19 Related Publications. COVID-19: How You Can Help», 2020).

Распространение коронавируса COVID–19 происходило в мире быстро и агрессивно, в связи с чем все силы научного сообщества были направлены на локализацию и недопущение распространения вируса, на разработку вакцины, изучение оптимальных путей терапии и снижения смертности от последствий коронавируса, на преодоление психологических проблем, вызванных карантином и самоизоляцией (Баранова, 2020; Прокопенко, 2020). Уже появились, в том числе русскоязычные, обзоры, суммирующие научные достижения и инновации в период пандемии по отраслям знания (Мизинцева, 2020а, 2020б; Kanesarajah & White, 2020). Ряд организаций, связанных с медицинским сообществом, начиная с лета 2020 г. активно проводит научные форумы, вебинары, обучающие программы с участием клинических психологов для предотвращения негативных тенденций в психо-эмоциональном состоянии представителей различных профессий (например,

серия онлайн-семинаров ОИПИ совместно с Российским красным крестом «Медик – медику: Психологическая помощь в условиях затянувшегося стресса», в частности - семинар «Первая психологическая помощь» 24 ноября 2020 г.; семинар «COVID-19 и посттравматические стрессовые реакции» 8 декабря 2020 г. и др.). Именно последствия психической травмы, нанесенной пандемией обществу, являются наиболее существенными для личности и государства как в краткосрочной, так и в долговременной перспективе. Так, процессы нерегулируемой паники в массовом бессознательном закономерно ведут к росту агрессии в обществе, а проявления посттравматического стрессового расстройства для личности, нарушающие ее функционирование, могут растягиваться на десятилетия.

Введенный режим самоизоляции или режим карантина в странах Евросоюза и в США привел к эффекту последствия, выразившемуся прежде всего в растормаживании психических реакций. Острое стрессовое расстройство, рост тревожности, враждебности, формирование фобий, обсессивно-компульсивных расстройств, использование неэффективных форм стратегий совладания со стрессом и психологических защит, в целом общее ухудшение психоэмоционального состояния общества привело к проблемам, которые уже проявили себя в социальной жизни (например, домашнее насилие, рост преступности, рост экстремистской и протестной активности и др.). Данные явления оказались в разных странах подготовленными, в том числе, и информационной повесткой СМИ и Интернет-ресурсов, к которым общество в период карантина и самоизоляции было приковано, пытаясь найти ответы на интересующие вопросы как о пандемии, эффективном лечении, так и об экономических прогнозах и т.д.. Таким образом, не только режим ограничения социального взаимодействия и экономической активности, но и психическая травма, нанесенная социуму пандемией, в совокупности с Интернет-контентом и электронными СМИ, многократно усиливавшими её, во многом сформировали ту социальную напряженность, которая возникла и вылилась в череду актов массовой агрессии в мире в марте–августе 2020 г.. Весомыми оказались и экономические потери, нанесенные не только режимом самоизоляции и карантина в различных странах мира, но и мошенничеством, осуществлявшимся с помощью Интернет-контента и IT-технологий.

В случае с пандемией 2020 года был важен контроль информации, поступающей о коронавирусе и его последствиях к жителям страны. Не случайно и своевременно Российским законодательством была введена ответственность за распространение недостоверной информации о пандемии коронавируса.

ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ, МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – роль неконтролируемого Интернет-контента апреля–августа 2020 г. в обеспечении социальной безопасности, формировании адекватного психоэмоционального климата в обществе в период пандемии.

Предмет исследования – содержание Интернет-контента апреля–августа 2020 г. в связи с проблемами реактивных и отложенных последствий пандемии для психики, здоровья населения, для социальной и государственной безопасности; приемы и ракурс обращения в контенте к тематике пандемии, в том числе оценочные и ценностные смыслы, вкладываемые в контент.

Материал исследования: электронный контент (текстовый и размещенный на платформе YouTube) за апрель–август 2020 г., в том числе информационный, новостной, образовательный, аналитический, открытая пользователю сети Интернет в свободном доступе научная и научно-популярная литература.

Гипотеза исследования: в эффективном преодолении пандемии и ее последствий в современном высокотехнологичном мире со значительной долей виртуальности и высокой быстротой распространения информации адекватная информационная политика и информационная безопасность населения является главной обеспечивающей стабильность и здоровье общества стратегией, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Цель исследования – выявить основные угрозы пандемии с точки зрения эмоционально-психологического благополучия социума, полезные и снижающие тревожность, социальную напряженность в период пандемии (первая волна) образцы контента; охарактеризовать не соответствующий требованиям информационной безопасности контент; описать основные признаки данных видов контента, а также последствия их использования на финал 2020 года.

Задачи работы: 1) охарактеризовать возможные последствия пандемии как экстремальной ситуации для социальной безопасности и поведенческого здоровья социума (в связи с информационным воздействием); 2) описать механизмы возникновения массовой паники и агрессии в период пандемии с точки зрения информационного воздействия; 3) описать набор видов агрессии, психологических защит, копинг-стратегий, актуализирующихся при переживании жизнеугрожающих состояний, неопределенности будущего, социальной изоляции в период пандемии; 4) охарактеризовать стратегии, используемые в русскоязычном контенте за апрель–август 2020 г. с точки зрения ин-

формационной корректности для общественной безопасности и стабилизации эмоционально-психологического состояния населения; 5) внести рекомендации по предупреждению роста социальной дестабилизации под влиянием информационного контента в период пандемии.

Методы исследования: анализ копинг-стратегий, психологических защит, механизмов паники, видов агрессии и враждебности, психических расстройств, актуализирующихся или формирующихся в период пандемии; рассмотрение производимого с помощью электронных технологий в период пандемии русскоязычного контента с точки зрения психологической, социальной, информационной безопасности.

В исследовании используется терминология клинической психологии и социальных наук.

Информационная безопасность рассматривается как понятие, характеризующее техническую, психологическую, экономическую защищенность интересов личности, общества, государства в условиях развития высокотехнологичных электронных средств передачи и хранения информации в соответствии с пониманием данного термина в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в редакции Федерального закона от 29.12.2020 № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Несанкционированный доступ к информации, имеющиеся угрозы ее конфиденциальности, возможности ее преднамеренного искажения (дезинформация, введение в заблуждение) наиболее часто становятся инструментом нарушения личной и государственной безопасности, не только в связи с хищением этой информации для получения экономической или политической выгоды, но и через формирование на основе некорректной искаженной информации деструктивных событий, выработку дезадаптивных долгосрочных стратегий, логически ущербных личных или групповых мыслительных и поведенческих паттернов. В психологии и психиатрии нарочито искаженная индуктором или двойственная, неоднозначная информация рассматривается как ментальный агент, вызывающий у реципиента болезненные реакции – от ведущих к дефектному реагированию на внешние стимулы и к дефектной социализации интроектированных ценностей и моделей поведения до индуцированных психических расстройств. Нередко такие

искажения приводят и к гибели введенного в заблуждение о реальности реципиента. В масштабах государства использование деструктивных информационных стратегий, в том числе основанных на искажении фактов или двойственности их интерпретации, на нагнетании противоречивого и негативного психоэмоционального фона, ведет к общей дестабилизации в интересах порождающего их индуктора.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Среди типов влияний экстремальных ситуаций на психику выделяются наступающие мгновенно и отложенные. Главной угрозой для социума из последствий, наступающих мгновенно, является паника как состояние ужаса, сопровождающееся резким ослаблением волевого контроля поведения. Отечественные исследователи имеют опыт изучения данного явления как следствия эмоциональной и физиологической реакции человека на общий стресс и психическую травму, прежде всего при экстремальных ситуациях (Александровский, Лобастов, & Спивак, 1991; Барденштейн, Копытин, Молодецких, & Курашов, 2007; Бойко, 2003; Бундало, 2009; Волошин, 2005; В. М. Гарнов, 1988; Т. Б. Дмитриева, 2005; Татьяна Борисовна Дмитриева и др., 2001; Друмова, 2003; Ефанов, 2016; Кадыров, 2012; Михайлов, 2009; Назаретян, 2005; Семке, Погосова, & Погосов, 2003). Среди отдаленных последствий наиболее распространено посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), приводящее к серьезным эмоционально-личностным нарушениям, среди которых у условно здоровых лиц молодого возраста, например, наиболее распространенными являются органическое тревожное расстройство, апатический и дисфорический варианты этого заболевания. При этом исследователи отмечают, что важную роль играет прогноз тяжести отложенных последствий экстремальной ситуации (Дедова, 2012, сс. 19–20).

У пострадавших происходит

«формирование стойких невротических расстройств: астенические расстройства, диссоциативные (истерические) расстройства, фобические расстройства, депрессивные расстройства, ипохондрические расстройства», появляются «признаки заметного снижения интереса к значимым видам деятельности», чувство «отстраненности или отчужденности от окружающих, неспособности испытывать переживания любви и ощущение ограниченных перспектив будущего» (Вячеслав Михайлович Гарнов, 2002, с. 38).

Отмечается, что психогенные расстройства, помимо острой реакции на стресс, появляются на фоне имеющихся у пострадавших потерь

– смертей близких, лишения имущества, социальной поддержки (с. 38).

Последствия для психики очевидцев пандемии 2020 года исследованы на данный момент пока лишь зарубежными научными коллективами (Atalan, 2020; Chakraborty & Maity, 2020; «COVID-19 Related Publications. COVID-19: How You Can Help», 2020; Esparza, 2020; Fontanesi et al., 2020; Galea, Merchant, & Lurie, 2020; Horesh & Brown, 2020; Kanzler & Ogbeide, 2020; Koushik, 2020; Mazza et al., 2020; Nicola et al., 2020; Qiu et al., 2020; Roden-Foreman et al., 2017; Shiina et al., 2020; Watkins, Sprang, & Rothbaum, 2018; Wheaton, Abramowitz, Berman, Fabricant, & Olatunji, 2012). Так, например, Аталан Абдулкадир рассматривает влияние вводимого карантина не только на сдерживание пандемии, но и на психику населения (Atalan, 2020, pp. 38–42). Исследователем проанализированы стратегии 49 стран, где был установлен карантин между определенными датами (без перерыва), в среднем – 35 дней, минимум – 3 дня, максимум – 68 дней. Было подтверждено, что применение карантина сказывалось на психологическом состоянии социума: основными реакциями на COVID-19 в рассматриваемой выборке стал стресс (8,0% населения) и депрессия (16,0–28,0% населения).

Исследованиям влияния пандемии COVID–19 на состояние психики социума посвящен выпуск журнала «Психологическая травма: теория, исследование, практика и политика». Рассматривается, в частности, влияние введения карантина и дистанционного обучения на состояние итальянских семей, имеющих детей (Fontanesi et al., 2020, pp. 79–81). Многодневная социальная изоляция стала хронической психической травмой с потенциальными негативными последствиями. В числе рекомендации по их преодолению предлагается информирование родителей об особенностях влияния карантина и социальной изоляции на состояние детей, обучение приемам воспитания в сложившихся условиях.

В работе «Перспективы психического здоровья населения в отношении воздействия COVID-19» (Koushik, 2020, pp. 529–530) автор доказывает, что вызванные пандемией социальные и экономические последствия будут оказывать как краткосрочное, так и долгосрочное влияние на психическое здоровье населения. Характерной чертой состояния пациентов, страдающих депрессией, становится утрата мотивации, усиление отстраненности, снижение уровня физической активности, суицидальные намерения. Симптомы тревоги особенно усиливаются после пандемии, когда пациенты возвращаются к выполнению обычных обязанностей. Снижают негативные проявления депрессии, развивающейся и усугубляющейся на фоне пандемии, такие факторы,

как низкий уровень семейных конфликтов, наличие доступа к Интернет, возможность общения на различных электронных платформах, возможность доступа к терапии и консультированию по заболеваниям с помощью телемедицины.

Исследователи особенностей психической травмы, нанесенной COVID-19 (Horesh & Brown, 2020, pp. 331–335), уже в ее начале отмечали, что, хотя большая часть населения мира демонстрирует устойчивость к потерям, стрессу и страху, связанным с COVID-19, но все же пандемия усугубит существующие расстройства психического здоровья и будет способствовать возникновению новых расстройств, связанных со стрессом. Сложности в диагностике и лечении последствий COVID-19 для психики связаны с двумя нерешенными вопросами: не определена уникальность данной социальной катастрофы как травмирующего события. Она обладает уникальными характеристиками: глобальна по своим масштабам, воздействует на каждый аспект жизни общества. Авторы особо отмечают, что данная психическая травма имеет беспрецедентно высокий уровень публичности, степень освещения в средствах массовой информации, а значит – и повышенного информационного воздействия. Кроме того, даже «теракт 11 сентября» не имел такого уровня публичности, какой имело освещение пандемии, так как смартфоны и социальные сети в то время только начинали развиваться. Травму COVID-19 отличает высокий уровень упреждающей тревоги. Учитывая прогнозируемые сроки пандемии и скорость распространения вируса, люди испытывают страх перед неопределенным будущим, а не перед прошлым.

При этом пандемия COVID-19 включает в себя большой ряд признаков, характерных для событий массовой психической травмы. Например, люди, в том числе и из-за обилия разнородной информации, находятся в состоянии повышенной бдительности, демонстрируют синдром / психологическую защиту через избегание (прерывание контакта), которое поощряется правительствами. Население пребывает в состоянии дисфории, защищается через рационализацию (постоянное массированное получение информации). Как отмечают исследователи, несмотря на то, что подавляющее большинство населения вирус все же не затронул, подробное освещение пандемии в СМИ и возможная перспектива заражения вызвали повседневный стресс и тревогу. В связи с этим центральное внимание при изучении последствий психической травмы должно быть направлено на процессы, происходившие в сфере коммуникации и общественной деятельности. Авторы анализируют информационную политику государств в период пандемии. На раннем этапе пандемии наблюдалась недостаточность обсу-

ждения вопросов социального самообслуживания и психологического благополучия в свете угрозы COVID-19. Кроме того, рекомендации, которые обсуждались в средствах массовой информации, не были единообразны и, вероятно, не основывались на лучших практиках преодоления экстремальной ситуации. Ощущалась нехватка набора четких руководящих принципов, тем для обсуждения, которые СМИ и государственные лица должны использовать при общении с обеспокоенным и потенциально травмированным населением.

Вместе с тем, в сообществе специалистов, изучающих массовые психические травмы (включая теракт 11 сентября 2001 г. в США, массовые расстрелы и иные террористические акты) и вызываемые ими поведенческие реакции, были готовы рекомендации по сохранению стабильности в состоянии социума. Исследователи психической травмы могли дать ответ на вопрос: каковы общие последствия травмы, какие виды преступных проявлений следует ожидать и как готовиться к их недопущению путем проведения профилактических и оперативных мероприятий. Авторы считают, что наступило время для исследователей ПТСР использовать весь имеющийся научный арсенал, включая сотрудничество различных научных дисциплин, изучающих психическую травму (биология и психология, психиатрия и социальная политика, криминология и уголовное право), чтобы углубить понимание последствий для психического здоровья и национальной безопасности социальной катастрофы 2020 года.

Чтобы лучше понять пери- и посттравматические последствия кризиса COVID-19, необходимы крупномасштабные научные лонгитюдные исследования последствий травмы. Они помогут определить факторы риска и устойчивости, а также масштабы и тяжесть травматического стресса вследствие пандемии среди населения мира.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем в связи с психической травмой стал вопрос об оказании неотложной, экстренной психологической помощи населению в период стресса (Kanzler & Ogbeide, 2020, pp. 177–179). С этой целью необходимым оказывается увеличение числа специалистов по поведенческому здоровью, применение, в том числе, виртуальных методов поддержки (телемедицина, сеть Интернет).

Отдельно обсуждается вопрос о распространенности рискованного поведения под влиянием пандемии (Shiina et al., 2020). Помимо роста тревожности, авторами констатируется и снижение комплаенса в соблюдении требований государственных органов, в том числе в области сохранения социальной безопасности и профилактики коронавируса. Согласно проведенному онлайн-анкетированию (более 8000 ответов граждан в Японии, Великобритании и Испании), уровень знаний о

пандемии и уровень тревожности, а также склонность к профилактическому поведению были выше в Великобритании и Испании, также жители данных стран более стремились получить информацию о COVID-19, при этом граждане Испании были склонны не доверять официальной информации, более полагаясь на комментарии специалистов.

Огромный опыт изучения вопросов информационной безопасности, в том числе в сети Интернет, имеется в ЦИПБ РАН, как в контексте сохранения социальной стабильности, так и в контексте противодействия идеологии насилия, предотвращения радикализации представителей виртуального социума, возможных экономических и иных преступлений (Вихрян, Синицын, & Тиунов, 2018; Вихрян, 2016; Килячков & Чалдаева, 2020; Чалдаева, Килячков, & Якорев, 2020). Особенно стратегически эффективным является сценарный подход, разрабатываемый для диагностики, анализа и предотвращения информационных, экономических, террористических угроз исследовательской школой крупнейшего отечественного специалиста по безопасности и социолога, доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента РАН, генерал-полковника, научного руководителя ЦИПБ РАН В. Л. Шульца (Шульц, Кульба, Чернов, & Шелков, 2019).

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА И ИНТЕРНЕТ- ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ COVID-19

Режим самоизоляции и карантина превратил сеть Интернет в «дорогу жизни» – нередко единственный путь выживания, снабжения средствами защиты и продуктами первой необходимости, организации профессиональной деятельности, обеспечения образовательной и финансовой активности. Данная ситуация привела к увеличению числа новых приемов мошенничества с использованием Интернет-технологий. Еще до пандемии до 90% мошеннических действий создавались, по актуальным данным, с использованием Интернета (Комаров, 2013; Простосердов, 2017; Смирнова, 2016). Мошенничество растет в любые кризисные моменты, если у населения формируется паника и снижается способность к анализу ситуации. Психологически население становится более уязвимым, снижается уровень внимания и критичности к получаемой в момент паники информации.

Интернет-мошенничество часто обозначается через термин «фишинг» («рыбная ловля») – это информационная интернет-атака, в которой используются поддельные сообщения с целью заставить получателей передать персональные данные, осуществить платеж или уста-

новить вредоносное программное обеспечение (Лэнс, 2008). Существуют стратегические подходы и специальный инструментарий противодействия фишингу. Между мошенниками и специалистами по безопасности идет «гонка вооружений». Пулы прокси-серверов и доменных имен для сокрытия местоположения фишинга («fast flux») увеличивают средний срок жизни фишингового веб-сайта (до того, как будет удалено место фишинг-атаки). Учитывая распространение фишинга, гигантскую теневую экономику данного вида мошенничества и связанный с этим экономический ущерб, а также ущерб репутации информационных ресурсов, которые подвергались взлому, можно сказать, что разработка эффективных контрмер, направленных против фишинга, имеет для экономики и информационной безопасности решающее значение. Это фильтры, черные списки, активные и пассивные индикаторы, которые сообщаются пользователям. Обучение пользователей методам защиты считается низко результативным из-за невыработанной у населения мотивации и отсутствия потребности изучать информационные материалы (Hong, 2012; Jagatic, Johnson, Jakobsson, & Menczer, 2007).

В работе «Семь смертоносных атак на социальные сети» («Seven Deadliest Social Network Attacks»), описывая технологии фишинга, авторы рассказывают об одном из изоциренных методов получения персональных данных пользователей из наиболее защищенных информационных ресурсов – сетей MySpace, Facebook, Twitter методом перенаправления на фишинговую страницу входа в социальную сеть с целью повторного введения конфиденциальных данных, пароля (Timm & Perez, 2010). Аналогичные мошеннические действия по отношению к отечественным пользователям производятся в период пандемии, например, при вводе ими данных для входа в ресурсы онлайн-платежей крупнейших банков (Сбербанк-онлайн и др.). Другими последствиями киберпреступности в период пандемии стала организация массовых сбоев в работе государственных и региональных информационных ресурсов, прежде всего в связи с социальными выплатами, оформлением и блокированием рабочих пропусков в регионах с наиболее сложной эпидемиологической ситуацией, оформлением штрафов за нарушение самоизоляции для болеющих или контактных лиц или за нарушения режима передвижения по пропускам для работающих граждан. Данные действия подрывали авторитет органов власти и провоцировали рост социальной напряженности. Экономические угрозы при нарушении конфиденциальности информации были связаны с вынужденным переходом сотрудников многих учреждений на удаленный режим работы без соблюдения должных мер безопасности.

Помимо опасностей для государственных учреждений и бизнеса в части повреждения или воровства конфиденциальных данных, внедрение хакеров вызывало, например, нарушения в процессе дистанционного обучения и научной работы (проведения научных форумов).

В США в начале 2000-х годов сложилось открытое межотраслевое научное сообщество, изучающее проблемы киберпреступности (прежде всего фишинга), регулярно публикующее годовые отчеты по активности фишинга в соотношении с реестром доменных имен, используемых в различных странах мира. Согласно данным сообщества на 2017 г., Россия замыкала топ-10 стран, доменные имена которых наиболее активно используются при создании временных мошеннических фишинговых ресурсов (Aaron & Rasmussen, 2017, p. 13). Исследователи APWG (Американской рабочей группы по изучению фишинга) выявили ежегодный прирост числа фишинговых атак более, чем на 10 процентов, описали механизм создания, специфику и длительность существования мошеннических ресурсов (как правило, от 60 до 200 часов). Отмечается, что из года в год многократно растет число доменов, регистрируемых специально для размещения фишинговых сайтов, остальные домены (примерно половина от задействованных в фишинге ежегодно) взламываются на уязвимых веб-хостингах. При этом около половины регистраций доменных имен с целью фишинга производятся с территории Китая. 75 % доменных имен, с которых ведется мошенническая деятельность, имеют расширение .com, .cc, .pw и .tk. Более половины (56%) из мошеннических ресурсов были организованы в 2016 году (взломаны или созданы) в реестрах .com и .net. (pp. 10-11).

Изучающая киберпреступность «Anti-Phishing Working Group», проводящая ежегодные симпозиумы под брендом «eCrim», исследует защищенность интернет-платежей и личных ресурсов, развитие навыка у населения к использованию защищенных паролей доступа, проблемы преступности в Darkweb и др., в условиях пандемии 29 июля 2020 г. также организовала онлайн-совещание для членов ассоциации по теме «Cybercrime trends due to COVID-19» («Тенденции киберпреступности, связанные с COVID-19»), где впервые публично в научном сообществе обсудила данную проблематику по отношению к периоду пандемии («APWG | Members' Webinar», 2020).

Методологическая работа по предотвращению данных угроз активно ведется компанией MITRE (<https://www.mitre.org/>), регулярно пополняется перечень возможных угроз и сценариев поведения злоумышленников Att&ck (Adversarial Tactics, Techniques & Common Knowledge: Тактики, техники и общеизвестные знания о злоумышленниках, <https://attack.mitre.org/>).

Для Российской Федерации в период пандемии был характерен профессиональный уровень работы структур, обеспечивающих экономическую безопасность населения в сфере кибермошенничества. Мошенничество направлено было прежде всего на получение персональных данных, финансовых данных с целью обогащения, а также на создание атмосферы нестабильности, недоверия к органам власти, в частности, через выведение из строя официальных информационных ресурсов (Госуслуги, Официальный сайт Мэра Москвы и др.). IP адреса мошенников, как правило, были связаны со странами Европы, США, Китаем, Украиной, в противном случае наличие таких ресурсов в Российской Федерации своевременно отслеживается и они блокируются.

Действует Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ. Данной проблематикой активно занимаются специалисты ФСТЭК России, где разрабатываются стандарты информбезопасности в различных сферах. Экстренное реагирование на экономические киберугрозы производят специалисты Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере (FinCERT) Банка России. Существуют созданные приказами ФСБ России Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам в критической инфраструктуре Российской Федерации (Приказ от 24 июля 2018 г. № 366), а также Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (Приказ от 24 июля 2018 г. № 367), ведущая учет данных угроз. Центры изучения киберугроз и противодействия им имеются при многих региональных органах власти в субъектах Российской Федерации, при Федеральных органах исполнительной власти, в высших учебных заведениях инженерного профиля.

Контроль ситуации осуществляли компьютерные и экономических подразделения МВД, Роспотребнадзор, отечественные банки, прежде всего Сбербанк, отечественные лаборатории Касперского и «Доктор Веб» с линейкой продуктов под брендом Dr. Web, словацкая лаборатория ESET с продуктами серии NOD («Nemocnica na Okraji Disku»), частные отечественные компании, специализирующиеся на предотвращении кибер-атак.

Проблематика киберпреступности в период пандемии освещалась, прежде всего, в средствах массовой информации (приоритет оказался за наиболее мобильными электронными СМИ, связанными с органами власти субъектов Федерации), а также через самооповещение пользователями в социальных сетях, что, несомненно, в связи с мо-

бильностью доведения информации о возможных угрозах, снизило риски и финансовые потери населения. Одной из популярных форм доведения информации стали интервью с первыми лицами отделов обеспечения финансовой безопасности банковских структур в электронных СМИ и специализированный информационный видеоконтент для населения, посвященный профилактике финансового мошенничества. Несмотря на это, ряд государственных информационных ресурсов подвергся DDoS-атакам, с них происходило массовое хищение персональных данных граждан, функционирование ресурсов приостанавливалось из-за создававшихся злоумышленниками сбоев в их работе.

Удавалось мошенничество, как правило, при наличии уязвимостей у информационного ресурса, а также благодаря неосведомленности, доверию и невнимательности граждан в моменты наибольшей психической уязвимости (сужения коридора восприятия, флуктуации внимания в момент паники). Прежде всего, были подвержены мошенничеству граждане, находящиеся в особо сложной жизненной ситуации (многодетные семьи, лишившиеся работы граждане, одинокие престарелые люди и др.), а также сотрудники в режиме удаленной работы, оперирующие данными организаций, не предназначенными для обнародования. Интернет-мошенничество особенную опасность представляло для населения с низкой финансовой, правовой и компьютерной грамотностью. Если речь идет о мошенничестве по отношению к гражданам, то кроме неосведомленности, оно апеллирует к сильным эмоциям и жизненным приоритетам потребителей: к сочувствию, тревоге за жизнь близких, к фобиям и страхам (например, к страху перед болезнью, страху остаться без средств к существованию, а также страху дефицита продуктов потребления).

Распространение информации о борьбе с мошенниками, помимо указанных выше каналов, шло через печатную прессу, радио, телевидение, видеозкраны в общественных пространствах, объявления в общественном транспорте.

Применявшиеся меры профилактики мошенничества были связаны с усилением защиты информационных ресурсов с целью предотвращения их взлома, а также с информированием населения о приемах распознавания и о порядке реагирования на действия мошенников для исключения утечки персональных данных и финансовых потерь.

СВОЙСТВА ПАНИКИ, КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И ПСИХИЧЕСКИХ ЗАЩИТ, ФОРМ АГРЕССИИ И ВРАЖДЕБНОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Паника, в момент стресса включающая архаические, безусловно-рефлекторные поведенческие механизмы, в психологии рассматривается как защитный механизм, позволяющий живому существу спастись в ситуации витальной угрозы, прежде всего, бегством (убежать от угрозы и хищника, при крайних проявлениях – футиформная реакция) или минимизацией энергетических затрат, затаиванием (если бегство невозможно, затаиться от хищника, спасаясь «неподвижностью», при крайних проявлениях – ступорозная реакция). Однако в ситуации пандемии включение в привычный механизм развертывания паники не может привести к облегчению переживания, так как оба варианта спасения (облегчения напряжения) не срабатывают. Третий вариант спасения – сражение с угрозой – порождает возникающую из паники агрессию (прямое столкновение с угрозой или замещающими и символизирующими ее объектами), что, как и ступорозная реакция и астенизация, вполне проявилось в период пандемии и после ослабления мер социальной изоляции, карантина.

Катализатором паники является информация, полученная как непосредственно субъектом, так и распространяемая с помощью современных технологий передачи информации, в том числе с помощью сети Интернет. Доказано при этом, что к развитию паники ведет как недостаток информации, так и ее неопределенность, избыточность и особенно – противоречивость (Ольшанский, 2001, с. 62). Важнейшую роль играет источник информации, а также индукторы (лидеры) паники, диктующие социуму образцы поведения, адаптивные или дезадаптивные. От информационной установки источника информации зависит и вероятность перерастания паники в реакции враждебности и массовой агрессии.

Паника в период пандемии COVID-19 характеризовалась следующими признаками: возникшая при длительно действующей угрозе, массовая, средней тяжести, пролонгированная.

Паника в период пандемии приводила к повторению частично оправданных требованиями санитарно-эпидемиологического режима многократно повторяемых защитных ритуализированных действий, фиксация на которых позволяла не только осуществлять эффективную профилактику заражения коронавирусом, но и нередко могла вести к формированию обсессивно-компульсивного расстройства. Это, например, происходившая во многом под влиянием распространявшейся через электронный СМИ и Интернет информации, в том числе фейко-

вой, о методах защиты или о возможном дефиците, ажитированная скупка санитайзеров, медицинских препаратов, термометров, масок и респираторов, продуктов первой необходимости, неумеренно повторяющееся мытье рук, употреблении «профилактических» народных средств и т.п.. Автор материала в период работы над исследованием (апрель – август 2020 г. и далее) осуществлял деятельность, в том числе, и в аптечном сегменте и наблюдал изменение поведенческих реакций вовлекаемого сначала в панику, а затем – в дисфорию, апатию, враждебность в ответ на следовавшие информационные поводы населения – как в части развития пандемии и версий об эффективных методах лечения и профилактики COVID-19, так и в части мер регуляции социального функционирования и соблюдения санитарно-эпидемиологического режима.

Помимо ситуационных, физиологических, психологических условий формирования паники наибольшее влияние на ее протекание и последствия имеют идеологические и политико-психологические условия, а именно: наличие эффективного управления в экстремальной ситуации, ориентация социума на единство действий, осознанность общей для общества цели, сплоченность и общая ценностная система (Ольшанский, 2001, с. 63).

Целью противодействия массовой панике на всех уровнях управления ею обычно является снижение интенсивности эмоциональных переживаний в социуме, рационализация поведения граждан, возвращение их реакций и поведения (при мобилизации ресурсов) в состоящие нормы.

Знание о высокой контагиозности вируса, его неявных симптомах, угрозе гибели даже для молодых и здоровых людей были причиной возникновения более четкого ощущения конечности и хрупкости человеческой жизни, застревания, обсессивно-компульсивной фиксации на теме болезни и гибели по образцу «Memento mori». Особенно сильное влияние происходило как на включенных в режим самоизоляции граждан, так и работающих, прежде всего, в сфере обслуживания или медицины с риском контакта с больными коронавирусом. Вырос градус ощущения неопределенности и общая тревожность, связанная с неуверенностью в завтрашнем дне. Вся данная ситуация явилась сильнейшей массовой эмоциональной травмой, приведшей к переживанию посттравматического стрессового расстройства миллионы соотечественников.

Как кратковременное шоковое состояние, так и психическое истощение, наступающее при панике, вне зависимости от ее формы, ведет

в дальнейшем к формированию психопатологических проявлений и заболеваний.

В условиях пандемии, в том числе как следствие переживания паники и длительного стресса, возможно формирование таких расстройств, как депрессия, тревожное расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство, острое стрессовое расстройство, генерализованное тревожное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство, диссоциативное расстройство личности, дисфория, фобии, в том числе агорафобия и др.

Паника в данном контексте должна рассматриваться с позиций политических и социальных последствий, причин и регуляторов.

Рассмотрим копинг-стратегии, а также психологические защиты, применяемые для реализации совладающего со стрессом поведения, возможные и использовавшиеся для снижения тревожности населением в период пандемии. Также обсудим наиболее часто присутствовавшие в информационном пространстве формы проявления агрессивного поведения. Метод выявления – наблюдение, констатация наличия признаков копинг-стратегии, психологической защиты, формы проявления агрессии / враждебности.

Наиболее конфликтогенный конфронтационный копинг проявляется в активных, «агрессивных» усилиях, используемых для изменения ситуации, сопровождается наличием у использующего его лица в разной степени проявляющейся враждебности и готовности к риску. Он активно реализовывался пользователями в период пандемии в социальных сетях, а также был использован в интернет-контенте альтернативных видеоканалов платформы YouTube, протестных электронных СМИ. Его проявление связано было с недоверием официальной статистике по COVID–19, с критикой ограничительных действий федеральных и региональных органов власти, неудовлетворенностью и критикой медицинской помощи, организацией работы медицинских учреждений в период пандемии (Васильева, 2020).

При использовании копинга «дистанцирование» когнитивные усилия применяющего его лица направлены на исключение себя из ситуации, на уменьшение значимости травмирующей ситуации. Данный вид копинга был присущ населению, находящемуся на самоизоляции, что проявилось в высокой заинтересованности развлекательными видеоканалами, кинофильмами, классической и современной музыкой, чтением, развитием кулинарного мастерства. В период пандемии в социальных сетях вошли в обиход образы-мемы, не связанные с пандемией.

Наиболее социально ценным в период пандемии (но провоцирующим, возможно, в отдаленной перспективе, как следствие, рост психологического напряжения и формирование симптомов ПТСР у использовавших его лиц) следует признать копинг-стратегию «самоконтроль», связанную с приложением существенных усилий со стороны населения по регулированию эмоциональных проявлений и поведения. Распространению данной модели копинга способствовали меры государственного регулирования социального и общественного взаимодействия в регионах, использовавших наиболее «жесткие» модели профилактики распространения COVID – 19 («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020; «Коронавирус COVID-19», 2020). А именно: своевременное оформление электронных пропусков для перемещения с использованием личного и общественного транспорта, регулирование пешего перемещения по неотложным нуждам, соблюдение требований в части использования средств индивидуальной защиты («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020). Распространенность данной копинг-стратегии можно было проследить, опираясь на ежедневно обновляемый «индекс самоизоляции» по регионам.

В связи с длительной самоизоляцией и, как следствие, одиночеством или ростом психоэмоциональных проблем в изолированных в пространстве квартиры семьях, возросшая активность общения в социальных сетях и мессенджерах доказывает востребованность копинг-стратегии «поиск социальной поддержки». Данная стратегия совладания была особенно востребована для пациентов с COVID-19, проходивших лечение в стационаре (как больничных учреждениях, так и в мобильных временных госпиталях в Москве и Санкт-Петербурге), в домашних условиях (с установкой системы «социального мониторинга» для контроля передвижения лица), а также для контактных лиц, находящихся во временных обсерваторах в связи с обязательным 14-дневным карантином). Данную стратегию использовали представители медицинского сообщества при наличии проблем в учреждении или в связи с эмоциональным выгоранием в связи с повышенной профессиональной и эмоциональной нагрузкой. Данный копинг предполагает поиск информационной, эмоциональной и деятельностной (в случае с волонтерскими, курьерскими службами) поддержки.

Копинг «принятие ответственности» был присущ лицам, работавшим во время пандемии. Он был связан с принятием ответственности за риск, а также с выстраиванием рациональной модели поведения с учетом методов эффективной профилактики COVID-19. Также данный вид копинга был присущ лицам с диагностированным COVID-19, имеющим семьи с престарелыми родителями, а также представителям врачебного сообщества, органов власти, использовавшим самоизоляцию на рабочем месте в случае заболевания и т.п.

Копинг «бегство-избегание» оказался, вероятно, наиболее социально-опасным (опасным как для общественного здоровья, так и для жизни и здоровья личности). Он использовался COVID-диссидентами, а также частично реализовывался в работе служб и специалистов, не приостанавливавших работу и мало изменивших ее режим в период пандемии. Данный копинг связан с существенными мыслительными и поведенческими усилиями, направленными на избегание проблемы и уход от любых информационных ресурсов, связанных с психологической травмой (отказ от информирования в части COVID-19 и др.). Наиболее эффективный в случае его использования в жизнеугрожающих ситуациях, лицами, отвечающими за функционирование социума и общественное здоровье, копинг «планирование решения проблемы» применялся как органами федеральной и региональной власти («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020; «Коронавирус COVID-19», 2020), так и гражданами. Он предполагает аналитический подход, разработку стратегий и действий, приложении проблемно-фокусированных усилий, направленных на изменение ситуации и решение проблемы. Склонность должностных лиц к данному копингу была свойственна прежде всего регионам, где наиболее успешно оказалась выстроена работа по предупреждению пандемии, прежде всего – в Москве («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020).

Копинг-стратегия «положительная переоценка» была присуща семьям с детьми и сфере творческой интеллигенции, а также людям, склонным к саморазвитию, так как условия самоизоляции были восприняты ими как уникальная возможность больше времени проводить с детьми, иметь условия заниматься саморазвитием или полу-

читать возможность удаленной работы без необходимости затрат времени на пребывание в пути, в учреждении и т.п..

Из механизмов психологической защиты, использовавшихся населением, наиболее конструктивными могут считаться компенсация и рационализация, деструктивными – прежде всего проекция и вытеснение. Важно было то, насколько используемая защита помогает снизить беспокойство и разрешить травмирующую ситуацию.

В силу уникальности и быстроты развертывания ситуации, а также в силу невысокого уровня заболеваемости в целом по стране (для средней полосы России) для многих актуальной психологической защитой было «отрицание» – то есть отказ признавать, что произошли некие меняющие привычный уклад жизни события, отрицание возможности заболеть (по принципу «Этого со мной не случится»).

Защита в форме «компенсация» предполагала реализацию в режиме самоизоляции и карантина какой-либо ранее игнорируемой способности или потребности лица, в том числе в ущерб невозможных или утраченных других (например, увеличение употребления психоактивных веществ в период пандемии, увеличение контактов в соцсетях, количеств просмотров видеофильмов, возросший интерес к творческой активности, домашней кулинарии, семейным взаимоотношениям).

Можно отметить, что в контексте рассматриваемой нами темы наиболее распространенной психологической защитой населения была защита по типу рационализации («интеллектуализация»). В этом случае особенно важно, кто является источником передаваемой населению информации, кто – с каким наполнением – является копируемым, тиражируемым образцом для поведения в период паники, какие структуры позиционируются как обладающие достоверной информацией и каково доверие к ним со стороны населения, кем оно может расшатываться, подвергаться сомнению, а также наличие альтернативных источников информации, вносящих неуверенность в достоверности основного источника информации. В данном случае необходимо учитывать, что в период паники критичность к воспринимаемой информации резко упала, так как на пике эмоций и тревоги становился ослабленным контроль сознания, в силу чего информация, полученная из непроверенных источников в Интернет-пространстве во время пандемии, вместо снижения стресса, нередко приводила к социальной дестабилизации. Иногда через получаемую из СМИ и интернет-контента аргументацию следующего затем иррационального поведения у граждан провоцировалось формирование индуцированного психоза.

Агрессия (иначе – «конфронтационный копинг») как защитный механизм и реакция на психическую травму и тревогу в период пандемии заслуживает особого внимания, так как агрессия отдельных лиц в период паники как поведенческий образец мгновенно индуцируется, трансформирует этические нормы и превращается в массовую реакцию. Не случайно в периоды исторических катаклизмов, войн и революций, стихийных природных и техногенных катастроф констатируется ее нарастание, вплоть до мародерства и открытого, в том числе массового, противоправного поведения. В ситуации пандемии данная защитная реакция была особенно востребованной, так как не мог реализовываться в силу особенностей данной экстремальной ситуации важнейший этап состояния паники, приносящий облегчение от стресса и снимающий угрозу, бегство. Склонность к агрессии и конфронтации проявилась в активизации противоправной деятельности в сфере кибермошенничества и социальной инженерии («фишинга»), манипуляции информацией.

Агрессия в ситуации воздействия на лицо длительного травмирующего стимула обладает накопительным эффектом, но может длительно же проявляться в латентной форме. Для ее проявления вовне нужен провоцирующий триггер.

В силу специфики развертывания пандемии и информационного вакуума на первых ее этапах, начальной реакцией социума стала «подозрительность», как реакция враждебности и агрессии, проявляющаяся в диапазоне от недоверия к источникам и к достоверности информации, до формирования конспирологических версий, сопровождающихся формированием фобий, о нанесении вреда.

Как защита от неопределенности будущего и от нарастающего витального страха проявлялась «косвенная агрессия», изживающая данный страх, направленная на предположительных «виновников» снижения качества жизни – прежде всего на структуры управления, вводящие и поддерживающие контроль за режимом самоизоляции, использованием СИЗ и др., на близких, находящихся в момент самоизоляции в ограниченном пространстве дома, сослуживцев и др., а также не имеющая направленности агрессия, проявляющаяся в интересе к криминальным сводкам, фильмам ужасов, сведениям о смертности и др.

На следующем этапе и по сей день реакцией психики стал «негативизм» – оппозиционность в поведении в части неприятия установленных на период пандемии социальных норм - от пассивного сопротивления им, до активной борьбы против них (COVID-диссиденты, оппозиционные лидеры и СМИ).

Пиковым проявлением «негативизма» стала вербальная агрессия, выраженная на личных страницах пользователей в социальных сетях, в многочисленных публикациях альтернативной прессы, в репортажах каналов платформы YouTube, а также в живом общении как с близкими, так и с представителями органов власти, полиции и т.п. Высшая степень реализации данной формы агрессии обнаружилась в Российской Федерации в скандируемых слоганах и содержании плакатов участников запрещенных на период пандемии протестных массовых мероприятий.

Для переживших потерю близких, а также перенесших заболевания и выживших, для медицинского персонала способами выражения аутоагрессии стало «чувство вины», усугубляющееся в случае гибели близких от COVID-19, смертей пациентов и т.п., выражающееся в сентенциях о себе: я не спас, я являюсь плохим человеком, я не достоин жить и др. (Красовский, 2020а, 2020b), а также противоположное ему чувство – «обида» по отношению к окружающим за действительные и вымышленные действия.

Обладая кумулятивных эффектом, латентная агрессия привела за несколько месяцев к формированию «раздражения» как формы враждебности и готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении и наличии повода (вспыльчивость, грубость). Вовлечение в реакцию раздражения привело к многочисленным протестным видео-выступлениям и публикациям в интернет-пространстве, а также к конфронтующим действиям (Егоров, 2020) по субъективно-эмоционально значимым для лица или имеющим ценностный социальный смысл поводам (Васильева, 2020), в том числе запрещенные массовые акции в отдельных регионах.

Результатом и апогеем кумуляции агрессии стал высокий уровень «физической агрессии» – как со стороны населения, так и со стороны органов охраны правопорядка по всему миру.

Необходимо помнить об уникальности пандемии как экстремальной ситуации. Она провоцирует панику, однако бегство как реакция невозможно. В силу чего массовая агрессия может стать закономерным этапом паники и массовой травмирующей ситуации.

Как отмечает Ольшанский, агрессия – реакция на эмоциональное переживание непреодолимости каких-либо барьеров, мешающих достижению цели; агрессивная толпа озабочена достижением своих целей и «наказанием» тех, кто стоит, по ее мнению, на пути их достижения. Часто одни и те же внешние обстоятельства могут порождать как паническое, так и агрессивное поведение. Это определяется особенно-

стями психологического состояния, в котором находятся в данный момент люди (Ольшанский, 2001, с. 69).

Для массовой агрессии специфическими особенностями будут следующие (с.с. 66-68): она стихийна, имеет «циркуляторный характер» (эффект кружения, повторения, репликации), не подчиняется рациональным оценкам происходящего и поведенческим нормам, имеет повышенный динамизм и высокий эмоциональный накал (эмоции негативного комплекса – гнев, враждебность, ненависть и др.), характеризуется анонимностью (а значит, безнаказанностью) участников, на раннем этапе имеет лидера-зачинщика (по мере роста импульсивности и накала теряющего свою роль и влияние на толпу), ее причиной становится внутреннее эмоциональное состояние в связи с переживанием непреодолимости ситуации, блокированием потребностей, дефинируется как «массовые враждебные действия, направленные на причинение страдания, физического или психологического вреда или ущерба либо даже на уничтожение данной массой (толпой) других людей или общностей» (стр. 66-69). Как отмечает исследователь, «если войны обычно вели организованные армии, то восстания и революции совершали именно агрессивные толпы <...> Если же агрессия заблокирована, спираль ее принимает еще более крутую форму, взрыв насилия происходит по причинам прежде всего психологическим, приобретая подчас экстатический характер, когда восстание становится для его участников самоцелью» (стр. 66-67).

Следствием пандемии, даже при отсутствии иных патологических проявлений на уровне эмоций, воли, когнитивных функций и поведения (например, тревожности, астении, дисфории, агорафобии, враждебности и агрессии), при развитии средней степени глубины паники и длительного стресса, таким образом, было массовое формирование новой модели выученного условно-рефлекторного сохраняющегося ритуализированного поведения (в тяжелых случаях закрепляющегося в психике как заболевание – обсессивно-компульсивное расстройство, существенно снижающее социальную и профессиональную эффективность лица), заключавшегося в наличии повторяющихся поведенческих актов, используемых для снижения тревожности, например: ежедневное ознакомление с обновляемой информацией о развитии пандемии по данным сети Интернет и электронных СМИ, навязчивое использование санитайзеров и мытье рук, ритуализированное поведение, связанное с использованием средств защиты – масок и перчаток, многократной проверкой активности электронного пропуска для проезда в транспорте и др. Компульсивные поведенческие реакции могли сопровождаться обсессиями – навязчивыми мыслями и образа-

ми, вызывающими дискомфорт, тревожность, формирующими фобии. Например, навязанные информацией из электронных СМИ и Интернет образы смертей близких, мысли о вероятности заражения вирусом и гибели.

АНАЛИЗ КОНТЕНТА

Рассмотрим образцы Интернет-контента апреля – августа 2020 г. и его соответствие требованиям информационной безопасности, а также его возможное влияние на состояние социума.

Важнейшей целью информационных ресурсов в части воздействия на социум в период пандемии должно было быть поддержание у населения рационального типа реакций и поведения. Реальный информационный контент при этом мог как наращивать панику, так и быть сформированным в русле поддержки одного из типа психологической защиты, копинг-стратегий. Контент мог быть также ориентирован на конфронтационный копинг и формирование враждебности и агрессии.

Одним из очевидных способов поддержания стабильности социума стало использование и на личном, и на государственном уровне стратегий рационализации: с экстремальной ситуацией и наносимой ею травмой проще справиться, если обладать исчерпывающей неппротиворечивой информацией о протекающих процессах и их динамике, отсюда – наблюдаемый в первые месяцы пандемии и самоизоляции повышенный интерес к информационным передачам и контенту о COVID-19. Стратегию рационализации поддерживали как государственные федеральные информационные ресурсы («Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус COVID-19», 2020), так и личные блоги представителей врачебного сообщества (Доктор Комаровский, 2020a, 2020b), некоторых журналистов.

Помимо информации о самом вирусе и динамике пандемии, ключевой для государства в части сохранения здоровья населения была стратегия формирования образцов поведения, обеспечивающих выживание. Данную повестку поддерживали как федеральные и региональные ресурсы («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020), так и интуитивно ее определившие, например, блогеры-эспатрианты, транслировавшие на своих YouTube каналах репортажи о ежедневной жизни различных стран или районов мегаполисов, мировых столиц в период пандемии (Левашов, 2020; Burenok, 2020a, 2020b, 2020c, 2020d, 2020e; Samsebeskazal, 2020b, 2020d, 2020e, 2020g, 2020h, 2020i, 2020a, 2020a, 2020c,

2020f; Smart Beauty, 2020). Данные трансляции в период карантинов и вынужденного пребывания огромной части граждан в замкнутом пространстве дома обладали психотерапевтической функцией и набирали большое число просмотров. Посредством данных трансляций преодолевалось культурное и психологическое отчуждение, являющееся в том числе одним из психопатологических симптомов ОСР и ПТСР, а также других расстройств, возникающих под влиянием психической травмы. Данная модель общения с пользователями была подхвачена и российскими блогерами (Егоров, 2020), однако в отличие от соотечественников-эмигрантов, создававших нейтральные информационные репортажи, отечественный контент имел конфронтационный протестный оттенок: часто в нем использовалась установка на демонстрацию неповиновения введенным ограничительным мерам, на эмоциональное, не аргументированное отрицание данных мер, звучала обценная лексика и т.п.

Части населения была присуща стратегия избегания информации, отрицания пандемии. Ее поддерживали и некоторые региональные информационные ресурсы, стараясь снизить панику, используя прием замалчивания.

Большая часть отечественного негосударственного контента и источников информации была, к сожалению, ориентирована, в том числе в силу отсутствия понимания личных и массовых психологических реакций в экстремальной ситуации, на поддержание конфронтационного копинга, а именно – поддержку в социуме реакций враждебности, обиды (Васильева, 2020). Вместо разработки и передачи населению информации о наиболее эффективных образцах поведения, профилактических мерах, многими протестными ресурсами реализовывалась стратегия «поиска виноватого», конкретно – население, подверженное ежедневной массивной информационной атаке, снабжалось информацией о ненадлежащем, угрожающем жизни граждан, поведении отдельных представителей и целых органов власти, медицинских работников и учреждений (Васильева, 2020). Данная установка во многом сформировала третий путь развития паники – ее преломление в социальный протест. В Российской Федерации реакция враждебности была адресована прежде всего органам субъектов Федерации, вводивших меры ограничения социальных контактов и функционирования бизнеса, медицинским организациям.

В июле-августе 2020 г. даже оппозиционно настроенные по отношению к государственной политике электронные СМИ и российские журналисты начали публиковать материалы о последствиях массового

бесконтрольного использования непроверенной, «фейковой», информации (Маковская, 2020).

Наблюдение над информационной повесткой и контентом средств массовой информации в условиях пандемии дает возможность определить основные стратегии СМИ, ведущие к формированию паники и агрессии, а также методы и приемы, позволяющие их избежать, повысив комплаенс социума по отношению к медицинским рекомендациям («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы – Минздрав России», 2020; «Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020), снизить число жертв пандемии и негативные социальные последствия.

В ходе наблюдения над информационной повесткой и контентом средств массовой информации в условиях пандемии (апрель-август 2020 г., русскоязычные Интернет-ресурсы) было выявлено два подхода, ведущих к формированию паники, психо-эмоциональных расстройств и протестной активности:

1) утаивание (копинг избегания) – дает рост конспирологических теорий, повышает тревогу в связи с неопределенностью будущего;

2) создание инфоповодов и сенсаций в связи с пандемией (копинг «проекция», конфронтационный копинг) – негативная эмоциональная повестка, аналитические программы с негативными комментариями, в том числе в адрес проводимых государством мер по преодолению пандемии.

Вместе с тем, были определены и подходы, позволяющие снизить уровень паники и сформировать у населения образец здоровьесберегающего поведения, а именно: видеорепортажи блогеров-очевидцев; текстовые интернет-дневники пациентов-очевидцев, переживающих заболевание; текстовые материалы – свидетельства врачей / репортажи журналистов по итогам работы врачей и клиник (зарубежных и отечественных) и в целом о течении пандемии и случаях заболевания, а также о стратегии выживания; специальный видеоконтент врачебного сообщества, включающий ответы на вопросы о течении заболевания и мерах профилактики, сопровождающийся направленным психотерапевтическим воздействием для нормализации психо-эмоционального состояния населения; документальные фильмы о пандемиях прошлого, позволяющие неспециалисту увидеть процесс развития и исхода пандемий и тем самым снизить неопределенность будущего.

Необходимо отметить, что реакция на те же информационные источники, которые были значимы в период действия строгих ограничительных мер и после их завершения, менялась. По мере формирования ПТСР место первичного ажитированного испуга и паники как реакции на экстремальную ситуацию заняли ангедония, дисфория, апатия, анархические настроения, COVID-диссидентство.

Психика существенной части населения «вытеснила», ликвидировала тяжелые воспоминания.

Барьер чувствительности к витальной угрозе повысился, тенденция ежедневно переживать напряжение, витальный страх в социуме снизилась. Данные факты являются угрожающими: в случае наступления экстремальной ситуации в будущем мобилизация населения с целью выполнения предписаний, обеспечивающих безопасность, не будет эффективной.

Витальный страх сменился менее сильным, но значимым страхом финансовой нестабильности (связанной с разрушением бизнеса и др.), мотивом «поиска виновного» в пережитых испытаниях, что привело к росту социальной напряженности.

Тональность репортажей блогеров-экспатов сменилась с тревожно-эмотивной на критически-недоверчивую: если ранее материалом для репортажей были сюжеты о необходимости соблюдения диктуемых властями требований профилактики заболевания, то в июне основным мотивом стало отрицание заболевания и угрозы повторения опасной эпидемиологической ситуации.

Переживание витального страха, паники (и как следствие – острого стрессового расстройства) заняло около 2-х месяцев, сменившись агрессией и враждебностью (с мотивами конфронтации: поиск ответственных за снижение доходов, разрушение бизнеса и др.).

В протестных информационных источниках место разжигающих страх репортажей о неблагополучии в системе здравоохранения, о летальных случаях заняли сюжеты о пандемии как политическом инструменте, также ориентирующие на конфронтационный копинг и репликацию реакции враждебности.

Результатом активно используемой на частных каналах платформы YouTube и в негосударственных СМИ конфронтационной повестки, а также следствием повышения психологического барьера к переживанию витального страха после многодневного воздействия травмирующей ситуации стал опасный эффект «анархического» невосприятия норм и запретов, принятых на государственном и региональном уровне в период пандемии.

К концу июля 2020 года нормативные образцы поведения, обеспечивающие выживание («Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации», 2020; «Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы — Минздрав России», 2020; «Коронавирус COVID-19», 2020), а также ограничительные меры, регулирующие экономическую и социальную жизнь отдельных регионов Российской Федерации, в массовом порядке перестали соблюдаться гражданами. Данный эффект сопровождался ростом в социуме активных проявлений враждебности. На момент завершения работы над статьей в связи с этим в отдельных регионах Российской Федерации («Коронавирус в Москве: статистика, полная официальная информация и последние новости», 2020) были введены меры усиления контроля за соблюдением санитарно-эпидемиологического режима, прежде всего в общественных пространствах и организациях.

Сформировавшееся у населения сопротивление по отношению к мерам регуляции общественной жизни в период сложной эпидемиологической обстановки к концу августа 2000 г. убедило в необходимости действовать на поведенческой реакции с целью сохранения эффективности санитарно-эпидемиологических мер и формирования поведенческого стереотипа с помощью психотерапевтических методик - в первую очередь с использованием видеоконтента по образцу социальной рекламы, содержащего приемы недирективной суггестии (профессиональный короткометражный кино контент на видеодисплеях в метро г. Москвы, посвященный ношению средств защиты).

ВЫВОДЫ

Содержание информационного контента и установка на определенный тип совладающего поведения и психологической защиты (как и знание механизмов развертывания массовой паники при экстремальных ситуациях) со стороны информационного источника, таким образом, может существенно влиять на состояние социума как в период пандемии, так и после нее (отложенные последствия).

Для снижения уровня напряженности в социуме в связи с пандемией являются актуальными роли Очевидца (участника событий) и Эксперта (специалиста в проблеме по существу) и диктуемые ими образцы здоровьесберегающего поведения. При этом обе роли должны исполняться не Сторонним наблюдателем - представителем журналистского сообщества и ученым, а прежде всего участником событий в роли рядового врача или пациента.

Аналитические программы могут повышать уровень тревожности населения, предлагая противоречивую или избыточную информацию о пандемии, но, не предлагая образцов поведения и норм, снижающих уровень стресса и обеспечивающих выживание. Данный информационный жанр не может вызвать комплаенс представителей социума по отношению к рекомендациям врача или предписанию государственной власти, так как формируют релятивистскую модель представлений об угрозе.

Астенизированный читатель и зритель в период паники на ранних этапах пандемии нуждается как в официальных квалифицированных медицинских рекомендациях, так и в юморе.

В отсутствие распространяемых официально медицинских рекомендаций данную лакуну занимают в информационном пространстве малоинформативные бытовые рекомендации и рецепты из сферы «нетрадиционной медицины», существенно снижающие комплаенс населения по отношению к установкам врачебного сообщества и ухудшающие эпидемиологическую обстановку.

Причиной паники часто оказывается низкий уровень медицинских знаний населения, а также установка на ложный авторитет. Этот факт вызывает отсутствие комплаенса к рекомендациям государственной власти и врачебного сообщества.

Наиболее опасным в период экстремальной ситуации является используемый источниками информации конфронтационный копипинг, с высокой долей вероятности обеспечивающий перерастание паники в массовое враждебное и агрессивное поведение.

Наиболее успешными для снятия паники в период пандемии были репортажи блогеров-очевидцев, описывающие образцовые модели поведения населения в странах, переживших пандемию с наиболее существенными потерями, но преодолевшими её, а также информационный интернет-контент, своевременно размещавшийся на платформах Правительства Москвы.

На поздних этапах первой волны пандемии (август 2020 г.) эффективным для сохранения здоровьесберегающего поведения и соблюдения населением требований санитарно-эпидемиологического режима в условиях отсутствия комплаенса к рекомендациями медицинского сообщества и власти является использование в электронном видеоконтенте приемов недирективной суггестии, направленных на воспроизведение модели поведения, обеспечивающей как снижение тревожности, так и соблюдение мер профилактики распространения COVID-19.

Население в период первой волны пандемии было особенно уязвимо перед мошенничеством, организованным с использованием информационных технологий в сети Интернет, фишинга и распространения «фейковой» информации.

Своевременное информирование населения о специфике механизмов паники и постстрессового поведения снизит эффективность манипулятивных и мошеннических технологий, применяемых по отношению к населению, а также предотвратит рост социальной напряженности, поможет противостоять перерастанию массовой паники в массовую агрессию.

Уже после окончания работы над статьей в социуме был зафиксирован новый и более сильный, чем весной и летом 2020 г., всплеск паники, психо-эмоциональной нестабильности, сформировавшийся прежде всего в связи с актуализацией сложившихся фобий новыми «подкреплениями»: прежде всего быстрым ростом заболеваемости (более, чем в три раза по Российской Федерации на начало 2021 года по сравнению с первой волной пандемии) и смертности (до шестисот умерших в сутки по регионам России) осенью – зимой 2020 года. Если в первую волну пандемии основной источник получаемой информации был связан с электронными СМИ и платформой YouTube, то во вторую волну COVID-19 продиктованная острым витальным страхом паника, характеризующаяся недоверием к СМИ, стала распространяться обычным путем – через устные рассказы, слухи (от семей переболевших и умерших, от медицинского сообщества), а также вследствие роста сообщений в официальных СМИ и на телеканалах о смертях от коронавируса и его последствий культовых деятелей журналистики, киноиндустрии, культуры, науки. Паника осенью – зимой 2020 года была связана, прежде всего, с дефицитом лекарственных средств в регионах Российской Федерации при высоком числе заболевших (сформировавшегося не только из-за нарушения логистики поставок в связи с приостановкой производства и закрытием границ, но и в связи с введением новой процедуры учета контрольно-измерительных знаков на фармацевтическом ассортименте), с отсутствием качественной срочной медицинской помощи и достаточного количества койко-мест, страхом перед госпитализацией или с невозможностью ее своевременно получить. Паника и витальный страх (а также страх смерти близких или гибели в больничном учреждении – вне дома) проявились прежде всего в отказах от госпитализации (чаще со стороны пожилых людей), бегствах из стационаров по лечению COVID-19, вербальной и поведенческой агрессии (зафиксированной в личных видеоблогах и соцсетях), а также в ажитированной, руководствующейся слухами, скупке «в

запас» или с целью пересылки в регионы рецептурных и дорогостоящих фармпрепаратов для тяжело больных (антибиотиков (левофлоксацин, азитромицин и др.), антикоагулянтов и антиагрегантов (ривароксабан, эписабан, надропарин натрия и др.), ампулированных кортикостероидов (дексаметазон)). Менее информированное население пользовалось рекомендациями электронных СМИ и неконтролируемо скупало и употребляло бесполезные, а зачастую – небезопасные при бесконтрольном приеме высокие дозы безрецептурных препаратов и биологически активных добавок, содержащих аскорбиновую кислоту, цинк, холекальциферол (витамин D3), отвергая, однако, возможность вакцинации (во многом в результате неадекватного освещения данной темы на самостоятельных и протестных информационных ресурсах). Вместе с тем, имела место усталость от стресса и, как следствие, распространение COVID-диссидентства (ранее известного в истории под образным наименованием «пира во время чумы»): так, несмотря на угрозу заражения и гибели после отмены самоизоляции большая часть населения активно отказывалась от использования средств индивидуальной защиты в местах скопления людей - в общественных пространствах, транспорте, торговых организациях. Вернулась тенденция проведения массовых развлекательных мероприятий, посещения мест коллективного отдыха в пределах городской черты или за городом, путешествий в иные регионы или государства мира во время уик-эндов и праздничных выходных дней. Под давлением общественности в начале 2021 года во многих регионах было отменено дистанционное обучение в школах.

Финалом 2020 года стало сформировавшееся в психике россиян (во многом – под влиянием непоследовательной информационной политики и бесконтрольного распространения противоречивого контента) философское приятие конечности жизни, и как следствие - безразличие к угрозе заражения и гибели. Во многом данные явления сложились из-за неправильной информационной политики и отсутствия научного анализа стратегий и эффективных практик информирования населения о рисках, необходимых мерах защиты, из-за отсутствия действующих и регулярных мер директивного контроля и юридической ответственности за нарушения санитарно-эпидемиологического режима.

Вследствие высокой напряженности психологических защит, нерационально использованных во время второй волны пандемии, на момент публикации статьи в социуме наблюдается два противоположных явления: рост агрессии и рост анозогнозии как нерациональных способов снятия психологического напряжения. Данные тенденции

проявляются в усилении антигосударственных выступлений в различных странах мира, а также в быстром росте заболеваемости и смертности от коронавируса и его последствий у лиц с анозогнозией (отрицанием болезни).

В указанной ситуации крайне важно, чтобы предлагаемое здесь исследование, посвященное обзору тенденций в информационном пространстве, свойственных первой волне пандемии, было воспринято как призыв обратиться к научному анализу информационных стратегий, допустимых в период экстремальных ситуаций, в том числе - текущей пандемии, когда человечество оказывается особенно уязвимым в силу возможной индукции любого попадающего в виртуальное пространство инфоповода, в том числе - снижающего эффективность санитарно-эпидемиологических мер и порождающего серьезные негативные отложенные последствия как для личности, так и для государства.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годы (НИР 0006-2020-0001).

Список литературы

- Aaron, G., & Rasmussen, R. (2017). Global Phishing Survey. Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/globalphishingsurvey/>
- Atalan, A. (2020). Is the lockdown important to prevent the COVID-19 pandemic? Effects on psychology, environment and economy-perspective. *Annals of Medicine and Surgery*, 56, 38–42. doi: 10.1016/j.amsu.2020.06.010
- Burenok, A. (2020a). *Амстердам, который ты не узнаешь: Очереди в кофейню без масок*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=3FpOmvtpoLs>
- Burenok, A. (2020b). *Канада на карантине. Жизнь во время эпидемии в Торонто*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=RseCckxPR6Y>
- Burenok, A. (2020c). *Стамбул, который ты не узнаешь: Турция в плену эпидемии*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=S4HYckEtGc8>
- Burenok, A. (2020d). *Франция, которую ты не узнаешь, и Швеция против правил*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=jB7v2o-UbdE>
- Burenok, A. (2020e). *Япония на карантине. Почему же у нас не так?* Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=CQ7tehdvAx8>

- Chakraborty, I., & Maity, P. (2020). COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention. *Science of The Total Environment*, 728, 138 882. doi: 10.1016/j.scitotenv.2020.138882
- COVID-19 related publications. COVID-19: How you can help. (2020). Retrieved from Publons.com website: https://publons.com/publon/covid-19/?sort_by=date
- Esparza, J. (2020). Lessons From History: What Can We Learn From 300 Years of Pandemic Flu That Could Inform the Response to COVID-19? *American Journal of Public Health*, 110(8), 1160–1161. doi: 10.2105/AJPH.2020.305761
- Fontanesi, L., Marchetti, D., Mazza, C., Di Giandomenico, S., Roma, P., & Verrocchio, M. C. (2020). The effect of the COVID-19 lockdown on parents: A call to adopt urgent measures. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1), S79–S81. doi: 10.1037/tra0000672
- Galea, S., Merchant, R. M., & Lurie, N. (2020). The Mental Health Consequences of COVID-19 and Physical Distancing: The Need for Prevention and Early Intervention. *JAMA Internal Medicine*, 180(6), 817. doi: 10.1001/jamainternmed.2020.1562
- Hong, J. (2012). The state of phishing attacks. *Communications of the ACM*, 55(1), 74–81. doi: 10.1145/2063176.2063197
- Horesh, D., & Brown, A. D. (2020). Traumatic stress in the age of COVID-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(4), 331–335. doi: 10.1037/tra0000592
- Jagatic, T. N., Johnson, N. A., Jakobsson, M., & Menczer, F. (2007). Social phishing. *Communications of the ACM*, 50(10), 94–100. doi: 10.1145/1290958.1290968
- Kanesarajah, V., & White, E. (2020). *Chasing change: Innovation and patent activity during COVID-19. A report on the pandemic's impact on the global R&D community and innovation lifecycle*. 18. Retrieved from https://clarivate.com/derwent/wp-content/uploads/sites/3/dlm_uploads/2020/06/DW507408683-COVID-19-Report_FINAL.pdf
- Kanzler, K. E., & Ogbeide, S. (2020). Addressing trauma and stress in the COVID-19 pandemic: Challenges and the promise of integrated primary care. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1), S177–S179. doi: 10.1037/tra0000761
- Koushik, N. S. (2020). A population mental health perspective on the impact of COVID-19. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(5), 529–530. doi: 10.1037/tra0000737
- Mazza, C., Ricci, E., Biondi, S., Colasanti, M., Ferracuti, S., Napoli, C., & Roma, P. (2020). A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(9), 3165. doi: 10.3390/ijerph17093165
- Members' Webinar: Cybercrime Trends due to COVID-19. (2020). Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/members-webinar-cybercrime-trends-due-to-covid-19/>

- Nicola, M., Alsafi, Z., Sohrabi, C., Kerwan, A., Al-Jabir, A., Iosifidis, C., ... Agha, R. (2020). The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review. *International Journal of Surgery*, 78, 185–193. doi: 10.1016/j.ijssu.2020.04.018
- Qiu, J., Shen, B., Zhao, M., Wang, Z., Xie, B., & Xu, Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: Implications and policy recommendations. *General Psychiatry*, 33(2). doi: 10.1136/gpsych-2020-100213
- Roden-Foreman, J. W., Bennett, M. M., Rainey, E. E., Garrett, J. S., Powers, M. B., & Warren, A. M. (2017). Secondary traumatic stress in emergency medicine clinicians. *Cognitive Behaviour Therapy*, 46(6), 522–532. doi: 10.1080/16506073.2017.1315612
- Samsebeskazal, D. (2020a). *Жизнь во время: Что там в глубинке? Городок Варвик, штат Нью-Йорк*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=r722I9fyofk>
- Samsebeskazal, D. (2020b). *Жизнь во время эпидемии: Актер излечился и теперь поет из окна*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=3QJRjSKL9tg>
- Samsebeskazal, D. (2020c). *Жизнь во время эпидемии: Брайтон - единственный район, где в продаже есть маски и санитайзеры*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=ghlST54nmkA>
- Samsebeskazal, D. (2020d). *Жизнь во время эпидемии: Верхний Вест-Сайд*. Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=S6Di_DgT08I
- Samsebeskazal, D. (2020e). *Жизнь во время эпидемии: Зброшенный аэродром, авеню U и госпиталь, где не хлопают*. Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=AwZ22OkH9_Q
- Samsebeskazal, D. (2020f). *Жизнь во время эпидемии: Количество умерших постоянно растет*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=hBzDGVFWxwk>
- Samsebeskazal, D. (2020g). *Жизнь во время эпидемии: Пик пройден?* Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=_cdDq8DXM5E
- Samsebeskazal, D. (2020h). *Жизнь во время эпидемии: Самоизоляция самозакончилась. Нас ждет вторая волна?* Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=xVPXrtwxCs8>
- Samsebeskazal, D. (2020i). *Жизнь во время эпидемии: Что там в Гарлеме*. Извлечено от https://www.youtube.com/watch?v=Hp_пуHGqRJY
- Shiina, A., Niitsu, T., Kobori, O., Idemoto, K., Hashimoto, T., Sasaki, T., ... Iyo, M. (2020). Perception of and anxiety about COVID-19 infection and risk behaviors for spreading infection: An international comparison. *BioRxiv*, 2020.07.30.228643. doi: 10.1101/2020.07.30.228643
- Smart Beauty. (2020). *Коронавирус в Италии. Ломбардия. Хроники*. Извлечено от https://www.youtube.com/playlist?list=PLTuj_TXHUX7TZW0sHvbs6YFuDu-FLDDr9
- Timm, C., & Perez, R. (2010). Chapter 3—Phishing Attacks. In C. Timm & R. Perez (Eds.), *Seven Deadliest Social Network Attacks* (pp. 43–61). Boston: Syngress. doi: 10.1016/B978-1-59749-545-5.00003-3

- Watkins, L. E., Sprang, K. R., & Rothbaum, B. O. (2018). Treating PTSD: A Review of Evidence-Based Psychotherapy Interventions. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 12. doi: 10.3389/fnbeh.2018.00258
- Wheaton, M. G., Abramowitz, J. S., Berman, N. C., Fabricant, L. E., & Olatunji, B. O. (2012). Psychological Predictors of Anxiety in Response to the H1N1 (Swine Flu) Pandemic. *Cognitive Therapy and Research*, 36(3), 210–218. doi: 10.1007/s10608-011-9353-3
- Аверков, О., Барчук, А., Боде, И., Киселев, Ю., Мацкеплишвили, С., Напалков, Д., ... Эрлих, А. (2020). Резолюция совета экспертов: Актуальные вопросы пандемии COVID-19 в РФ. Извлечено от <https://magboard.online/covid/>
- Александровский, Ю. А., Лобастов, О. С., & Спивак, Л. И. (1991). *Психогении в экстремальных условиях*. Москва.
- Баранова, А. (2020). *Коронавирус. Инструкция по выживанию*. Москва: Litres.
- Барденштейн, Л. М., Копытин, В. А., Молодецких, В. А., & Курашов, А. С. (2007). К истории учения о посттравматическом стрессовом расстройстве. *Российский Медицинский Журнал*, (4), 51–53.
- Бойко, Ю. П. (2003). Особенности антистрессовой медицинской помощи при чрезвычайных ситуациях и их последствиях. *Социальная и клиническая психиатрия*, 13(2), 60–67.
- Бундало, Н. Л. (2009). *Хроническое посттравматическое стрессовое расстройство: Монография*. Красноярск: КрасГМУ.
- Васильева, А. (2020). Альянс Врачей [Видео-контент о деятельности врачебного сообщества в период пандемии]. Извлечено от <https://www.youtube.com/c/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%92%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B9>
- Вихрян, А. П. (2016). *Интернет как фактор радикализации сознания молодежи*. 117–122. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет).
- Вихрян, А. П., Сеницын, И. М., & Тиунов, С. В. (2018). *Здоровье Нации Как Фактор Обеспечения Информационно-Психологической Безопасности Российского Социума*. 27–53. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН).
- Волошин, В. М. (2005). *Посттравматическое стрессовое расстройство: Феноменология, клиника, систематика, динамика и современные подходы к психофармакотерапии*. Москва: Анахарсис.
- Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Министерство Здравоохранения Российской Федерации. (2020). Извлечено от Минздрав России website: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/051/777/original/030902020_COVID-19_v8.pdf
- Гарнов, В. М. (1988). Распространенность нервно-психических расстройств в условиях стихийных бедствий. *Журнал невропатологии и психиатрии им. Корсакова*, (8), 125.

- Гарнов, В. М. (2002). *Формирование психопатологии в рамках посттравматического стрессового расстройства у лиц, переживших землетрясение* (Doctoral Thesis). Москва.
- Горенков, Д. В., Хантимирова, Л. М., Шевцов, В. А., Рукавишников, А. В., Меркулов, В. А., & Олефир, Ю. В. (2020). Вспышка нового инфекционного заболевания COVID-19: β -коронавирусы как угроза глобальному здравоохранению. *БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение*, 20(1), 6–20. doi: 10.30895/2221-996X-2020-20-1-6-20
- Дедова, К. Н. (2012). *Роль посттравматического стрессового расстройства в патогенезе органических эмоционально-личностных нарушений у комбатантов в периоде отдалённых последствий боевой психической травмы* (PhD Thesis). Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург.
- Дмитриева, Т. Б. (Ред.). (2005). *Посттравматическое стрессовое расстройство*. Москва: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского.
- Дмитриева, Т. Б., Воложин, А. И., Александровский, Ю. А., Кекелидзе, З. И., Коган, Б. М., Положий, Б. С., ... Субботин, Ю. К. (2001). *Социальный стресс и психическое здоровье*. Москва: Всероссийский учебно-научно-методический центр по непрерывному медицинскому и фармацевтическому образованию.
- Доктор Комаровский. (2020a). *Коронавирус | События и комментарии*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=eIbwdObYZ1g>
- Доктор Комаровский. (2020b). *Коронавирус: Обзор нового и актуального*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=YLA4jz70pM>
- Друмова, М. В. (2003). *Клинико-психологические особенности комбатантного посттравматического стрессового расстройства* (PhD Thesis). Новосибирская государственная медицинская академия, Новосибирск.
- Егоров, И. (2020). *Пропускной режим в Москве*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=LLMeaDyFFp4>
- Ефанов, А. А. (2016). *Моральные паники как фактор социальных изменений* (PhD Thesis). Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск.
- Кадыров, Р. (2012). *Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD): Состояние проблемы, психодиагностика и психологическая помощь*. Санкт-Петербург: Речь.
- Килиячков, А. А., & Чалдаева, Л. А. (2020). *Риски Взаимодействия Виртуального И Реального Пространства*. 216–222. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К».
- Комаров, А. А. (2013). *Интернет-мошенничество: Проблемы детерминации и предупреждения*. Москва: Издательство «Юрлитинформ». Извлечено от <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22800022>
- Коронавирус – симптомы, признаки, общая информация, ответы на вопросы— Минздрав России. (2020). Извлечено от Минздрав России website: <https://covid19.rosminzdrav.ru/>

- Коронавирус COVID–19: Официальная информация о коронавирусе в России на портале. (2020). Извлечено от Стопкоронавирус.рф website: <https://xn--80aesfpebagmfbcl0a.xn--p1ai/>
- Коронавирус в Москве: Статистика, полная официальная информация и последние новости. (2020). Извлечено от Официальный сайт Мэра Москвы website: https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/?adfox&utm_place=893819&utm_ban=3710761&ues=1
- Красовский, А. (2020a). *Как умирали первые жертвы коронавируса в России / ЭПИДЕМИЯ с Антоном Красовским*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=0TC7ksGAuUM>
- Красовский, А. (2020b). *Почему коронавирус в Дагестане стал катастрофой? / Эпидемия с Антоном Красовским*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=bJvLW-lYH6I&feature=youtu.be>
- Левашов, Я. (2020). *Из закрытой Москвы в Испанию. Полёт в КАРАНТИН [4К]*. Извлечено от <https://www.youtube.com/watch?v=GaBGTpG40HI>
- Лэнс, Дж. (2008). *Фишинг. Техника компьютерных преступлений* (Р. В. Гадицкий, Пер.). Москва: NT Preaa.
- Маковская, А. (2020). Анна Маковская: Фейки, иммунитет и волны коронавируса. Извлечено от Эхо Москвы website: https://echo.msk.ru/blog/mayakov_a/2696293-echo/
- Мизинцева, М. Ф. (Ред.). (2020a). *Пандемия COVID-19. Биология и экономика. Специальный выпуск: Информационно-аналитический сборник*. Москва: ВИНТИ РАН.
- Мизинцева, М. Ф. (Ред.). (2020b). *Пандемия COVID-19. Химия и экономика. Специальный выпуск: Информационно-аналитический сборник*. Москва: ВИНТИ РАН.
- Михайлов, Л. А. (2009). *Психологическая защита в чрезвычайных ситуациях*. Москва: Издательский дом «Питер».
- Назаретян, А. П. (2005). *Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании*. Москва: Academia.
- Никифоров, В. В., Суранова, Т. Г., Чернобровкина, Т. Я., Янковская, Я. Д., & Бузова, С. В. (2020). Новая коронавирусная инфекция (COVID-19): Клинико-эпидемиологические аспекты. *Архивъ внутренней медицины*, 10(2), 87–93. doi: 10.20514/2226-6704-2020-10-2-87-93
- Ольшанский, Д. В. (2001). *Психология масс*. Санкт-Петербург: Питер.
- Прокопенко, И. (2020). *Коронавирус. Вирус-убийца*. Москва: Эксмо.
- Простосердов, М. А. (2017). *Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве*. Москва: Издательство «Юрлитинформ».
- Семке, В. Я., Погосова, И. А., & Погосов, А. В. (2003). *Панические расстройства: Клиника, факторы риска, лечение*. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет.

- Смирнова, И. Г. (2016). *Киберпреступность: Криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ*. Москва: Издательство «Юрлитинформ».
- Чалдаева, Л. А., Килячков, А. А., & Якорев, А. А. (2020). К вопросу о формировании государственных функций по обеспечению безопасности в виртуальном пространстве России. *Власть*, 28(3), 37–46. doi: 10.31171/vlast.v28i3.7293
- Шульц, В. Л., Кульба, В. В., Чернов, И. В., & Шелков, А. Б. (2019). Методы и технологии управления обеспечением социальной стабильности на основе сценарного подхода. *Сборник трудов XIII Всероссийского совещания по проблемам управления ВСПУ-2019, 2034–2039*. Москва: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. doi: 10.25728/vspru.2019.2034

References

- Aaron, G., & Rasmussen, R. (2017). Global Phishing Survey. Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/globalphishingsurvey/>
- Alexandrovsky, Y. A., Lobastov, O. S., & Spivak, L. I. (1991). *Psychogenias in extreme conditions*. Moscow. (In Russian).
- Atalan, A. (2020). Is the lockdown important to prevent the COVID-19 pandemic? Effects on psychology, environment and economy-perspective. *Annals of Medicine and Surgery*, 56, 38–42. doi: 10.1016/j.amsu.2020.06.010
- Averkov, O., Barchuk, A., Bode, I., Kiselev, Y., Matskeplishvili, S., Napalkov, D., ... Erlich, A. (2020). Resolution of the Council of Experts: Current Issues of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation. Retrieved from <https://magboard.online/covid/> (In Russian).
- Baranova, A. (2020). *Coronavirus. Survival Instructions*. Moscow: Litres. (In Russian).
- Bardenstein, L. M., Kopytin, V. A., Molodetskikh, V. A., & Kurashov, A. S. (2007). Toward a History of the Study of Post-Traumatic Stress Disorder. *Russian Medical Journal*, (4), 51–53. (In Russian).
- Boyko, Y. P. (2003). Peculiarities of anti-stress medical care in emergencies and their consequences. *Social and Clinical Psychiatry*, 13(2), 60–67. (In Russian).
- Bundalo, N. L. (2009). *Chronic Post Traumatic Stress Disorder: A Monograph*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. (In Russian).
- Burenok, A. (2020a). *Amsterdam you wouldn't recognize: Queues at a coffeeshop without masks*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=3FpOmvtpoLs> (In Russian).
- Burenok, A. (2020b). *Canada under quarantine. Life during an epidemic in Toronto*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=RseCckxPR6Y> (In Russian).
- Burenok, A. (2020c). *The Istanbul You Don't Recognize: Turkey Captured by an Epidemic*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=S4HYckEtGc8> (In Russian).

- Burenok, A. (2020d). *France you wouldn't recognize, and Sweden against the rules*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=jB7v2o-UbdE> (In Russian).
- Burenok, A. (2020e). *Japan is quarantined. Why is it not so with us?* Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=CQ7tehdvAx8> (In Russian).
- Chakraborty, I., & Maity, P. (2020). COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention. *Science of The Total Environment*, 728, 138 882. doi: 10.1016/j.scitotenv.2020.138882
- Chaldaeva, L. A., Kilyachkov, A. A., & Yakorev, A. A. (2020). On the formation of state functions to ensure security in the virtual space of Russia. *Power*, 28(3), 37–46. doi: 10.31171/vlast.v28i3.7293 (In Russian).
- Coronavirus - symptoms, signs, general information, answers to questions-Minister of Health of Russia. (2020). Retrieved from Ministry of Health of Russia website: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (In Russian).
- Coronavirus COVID-19: Official information about coronavirus in Russia on the portal. (2020). Retrieved from Stopcoronavirus.rf website: <https://xn--80aesfpebagmf-blc0a.xn--p1ai/> (In Russian).
- Coronavirus in Moscow: Statistics, full official information and the latest news. (2020). Retrieved from Official site of the Mayor of Moscow website: https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/?adfox&utm_place=893819&utm_ban=3710761&ues=1 (In Russian).
- COVID-19 related publications. COVID-19: How you can help. (2020). Retrieved from Publons.com website: https://publons.com/publon/covid-19/?sort_by=date
- Dedova, K. N. (2012). *The role of post-traumatic stress disorder in the pathogenesis of organic emotional and personality disorders in combatants during the period of long-term effects of combat mental trauma* (PhD Thesis). Kirov Military Medical Academy. S.M. Kirov Military Medical Academy, St. Petersburg. (In Russian).
- Dmitrieva, T. B. (Ed.). (2005). *Post-traumatic stress disorder*. Moscow: V.P. Serbsky SSP State Research Center. (In Russian).
- Dmitrieva, T. B., Volozhin, A. I., Aleksandrovsky, Y. A., Kekelidze, Z. I., Kogan, B. M., Polozhyi, B. S., ...Subbotin, Y. K. (2001). *Social stress and mental health*. Moscow: All-Russian Research and Training Center for Continuing Medical and Pharmaceutical Education. (In Russian).
- Dr. Komarovskiy. (2020a). *Coronavirus | Events and Comments*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=elbwdObYZ1g> (In Russian).
- Dr. Komarovskiy. (2020b). *Coronavirus: An overview of what's new and current*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=YLAv4jz70pM> (In Russian).
- Drumova, M. V. (2003). *Clinical and psychological features of combatant post-traumatic stress disorder* (PhD Thesis). Novosibirsk State Medical Academy, Novosibirsk. (In Russian).
- Efanov, A. A. (2016). *Moral panics as a factor of social change* (PhD Thesis). N.P. Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk. (In Russian).

- Egorov, I. (2020). *Moscow permit regime*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=LLMeaDyFFp4> (In Russian).
- Esparza, J. (2020). Lessons From History: What Can We Learn From 300 Years of Pandemic Flu That Could Inform the Response to COVID-19? *American Journal of Public Health*, 110(8), 1160–1161. doi: 10.2105/AJPH.2020.305761
- Fontanesi, L., Marchetti, D., Mazza, C., Di Giandomenico, S., Roma, P., & Verrocchio, M. C. (2020). The effect of the COVID-19 lockdown on parents: A call to adopt urgent measures. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1), S79–S81. doi: 10.1037/tra0000672
- Galea, S., Merchant, R. M., & Lurie, N. (2020). The Mental Health Consequences of COVID-19 and Physical Distancing: The Need for Prevention and Early Intervention. *JAMA Internal Medicine*, 180(6), 817. doi: 10.1001/jamainternmed.2020.1562
- Garnov, V. M. (1988). Prevalence of neuropsychiatric disorders in natural disasters. *Korsakov Journal of Neuropathology and Psychiatry*, (8), 125. (In Russian).
- Garnov, V. M. (2002). *Formation of psychopathology within the framework of post-traumatic stress disorder in earthquake survivors* (Doctoral Thesis). Moscow. (In Russian).
- Gorenkov, D. V., Khantimirova, L. M., Shevtsov, V. A., Rukavishnikov, A. V., Merkulov, V. A., & Olefir, Yu. (2020). New infectious disease outbreak COVID-19: β -coronaviruses as a threat to global health. *Biodrugs. Prevention, diagnosis, treatment*, 20(1), 6–20. doi: 10.30895/2221-996X-2020-20-1-6-20 (In Russian).
- Hong, J. (2012). The state of phishing attacks. *Communications of the ACM*, 55(1), 74–81. doi: 10.1145/2063176.2063197
- Horesh, D., & Brown, A. D. (2020). Traumatic stress in the age of COVID-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(4), 331–335. doi: 10.1037/tra0000592
- Interim Guidelines. Prevention, diagnosis and treatment of new coronavirus infection (COVID-19). Ministry of Health of the Russian Federation. (2020). Retrieved from Ministry of Health of Russia website: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/051/777/original/030902020_COVID-19_v8.pdf (In Russian).
- Jagatic, T. N., Johnson, N. A., Jakobsson, M., & Menczer, F. (2007). Social phishing. *Communications of the ACM*, 50(10), 94–100. doi: 10.1145/1290958.1290968
- Kadyrov, R. (2012). *Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD): State of the Problem, Psychodiagnosis and Psychological Assistance*. St. Petersburg: Speech.. (In Russian).
- Kanesarajah, V., & White, E. (2020). *Chasing change: Innovation and patent activity during COVID-19. A report on the pandemic's impact on the global R&D community and innovation lifecycle*. 18. Retrieved from https://clarivate.com/derwent/wp-content/uploads/sites/3/dlm_uploads/2020/06/DW507408683-COVID-19-Report_FINAL.pdf
- Kanzler, K. E., & Ogbeide, S. (2020). Addressing trauma and stress in the COVID-19 pandemic: Challenges and the promise of integrated primary care. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(S1), S177–S179. doi: 10.1037/tra0000761

- Kilyachkov, A. A., & Chaldaeava, L. A. (2020). *Risks of Virtual and Real Space Interaction*. 216–222. Moscow: Dashkov & K Publishing and Trading Corporation. (In Russian).
- Komarov, A. A. (2013). *Internet Fraud: Problems of Determination and Prevention*. Moscow: Yurlitinform Publishers. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22800022> (In Russian).
- Koushik, N. S. (2020). A population mental health perspective on the impact of COVID-19. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12(5), 529–530. doi: 10.1037/tra0000737
- Krasovsky, A. (2020a). *How the First Coronavirus Victims Died in Russia / EPIDEMIA with Anton Krasovsky*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=0TC7ksGAuUM> (In Russian).
- Krasovsky, A. (2020b). *Why was the coronavirus in Dagestan a disaster? / Epidemic with Anton Krasovsky*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=bJvLW-IYH6I&feature=youtu.be> (In Russian).
- Lance, J., (2008). *Phishing. Techniques of computer crime* (P. V. Gaditsky, Trans.). Moscow: NT Preaa. (In Russian).
- Levashov, Ya. (2020). *From closed Moscow to Spain. Flight to Carantine [4K]*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=GaBGTpG40HI> (In Russian).
- Makovskaya, A. (2020). Anna Makovskaya: Fakes, immunity and coronavirus waves. Retrieved from Ekho Moskvyy website: https://echo.msk.ru/blog/mayakov_a/2696293-echo/ (In Russian).
- Mazza, C., Ricci, E., Biondi, S., Colasanti, M., Ferracuti, S., Napoli, C., & Roma, P. (2020). A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(9), 3165. doi: 10.3390/ijerph17093165
- Members' Webinar: Cybercrime Trends due to COVID-19. (2020). Retrieved from APWG website: <https://apwg.org/members-webinar-cybercrime-trends-due-to-covid-19/>
- Mikhailov, L. A. (2009). *Psychological protection in emergency situations*. Moscow: Peter Publishing House. (In Russian).
- Mizintseva, M. F. (Ed.). (2020a). *The COVID-19 pandemic. Biology and Economics. Special Issue: Information and Analytical Collection*. Moscow: VINITI RAS.. (In Russian).
- Mizintseva, M. F. (Ed.). (2020b). *The COVID-19 pandemic. Chemistry and Economics. Special Issue: Information and Analytical Collection*. Moscow: VINITI RAS. (In Russian).
- Nazaretyan, A. P. (2005). *The Psychology of Spontaneous Mass Behavior: Crowds, Rumors, Political and Advertising Campaigns*. Moscow: Academia. (In Russian).
- Nicola, M., Alsafi, Z., Sohrabi, C., Kerwan, A., Al-Jabir, A., Iosifidis, C., ... Agha, R. (2020). The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review. *International Journal of Surgery*, 78, 185–193. doi: 10.1016/j.ijsu.2020.04.018
- Nikiforov, V. V., Suranova, T. G., Chernobrovkina, T. Ya., Yankovskaya, Y. D., & Burova, S. V. (2020). New Coronavirus Infection (COVID-19): Clinical and Epidemiological As-

- pects. *Archives of Internal Medicine*, 10(2), 87–93. doi: 10.20514/2226-6704-2020-10-2-87-93 (In Russian).
- Olshansky, D. V. (2001). *The Psychology of the Masses*. Saint Petersburg: Peter. (In Russian).
- Prokopenko, I. (2020). *Coronavirus. The Killer Virus*. Moscow: Eksmo.. (In Russian).
- Prostoserdov, M. A. (2017). *Economic crimes committed in cyberspace*. Moscow: Yurlitinform Publishers. (In Russian).
- Qiu, J., Shen, B., Zhao, M., Wang, Z., Xie, B., & Xu, Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: Implications and policy recommendations. *General Psychiatry*, 33(2). doi: 10.1136/gpsych-2020-100 213
- Roden-Foreman, J. W., Bennett, M. M., Rainey, E. E., Garrett, J. S., Powers, M. B., & Warren, A. M. (2017). Secondary traumatic stress in emergency medicine clinicians. *Cognitive Behaviour Therapy*, 46(6), 522–532. doi: 10.1080/16 506 073.2017.1315612
- Samsebeskazal, D. (2020a). *Life in Time: What's out there in the backcountry? Warwick Township, New York*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=r722I9fyofk> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020b). *Life during the epidemic: Actor cured and now sings from the window*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=3QJRjSKL9tg> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020c). *Life during an epidemic: Brighton is the only neighborhood where masks and sanitizers are on sale*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=ghlST54nmkA> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020d). *Life During the Epidemic: The Upper West Side*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=S6Di_DgT08I (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020e). *Life during an epidemic: An abandoned airfield, Avenue U, and a hospital that doesn't clap*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=AwZ22OkH9_Q (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020f). *Life during an epidemic: The number of deaths is steadily increasing*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=hBzDGVFWxwk> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020g). *Life during an epidemic: Has the peak been passed?* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=_cdDq8DXM5E (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020h). *Life during the epidemic: Self-isolation is over. Are we in for a second wave?* Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=xVPXrtwxCs8> (In Russian).
- Samsebeskazal, D. (2020i). *Life During the Epidemic: What's Up in Harlem*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=Hp_pyHGqRJY (In Russian).
- Semke, V. Y., Pogosov, I. A., & Pogosov, A. V. (2003). *Panic Disorders: Clinic, Risk Factors, and Treatment*. Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russian).
- Shiina, A., Niitsu, T., Kobori, O., Idemoto, K., Hashimoto, T., Sasaki, T., ... Iyo, M. (2020). Perception of and anxiety about COVID-19 infection and risk behaviors for spreading infection: An international comparison. *BioRxiv*, 2020.07.30.228643. doi: 10.1101/2020.07.30.228643

- Shultz, V. L., Kulba, V. V., Chernov, I. V., & Shelkov, A. B. (2019). Methods and technologies for managing social stability based on a scenario approach. *Proceedings of the XIII All-Russian Meeting on Management Problems VSPU-2019, 2034-2039*. Moscow: Trapeznikov Institute of Control Problems of the Russian Academy of Sciences. V.A. Trapeznikov RAS. doi: 10.25728/vspu.2019.2034 (In Russian).
- Smart Beauty. (2020). Coronavirus in Italy. Lombardy. Chronicles. Retrieved from https://www.youtube.com/playlist?list=PLTuj_TXHUZX7TZW0sHvbs6YFuDuFLDDr9 (In Russian).
- Smirnova, I. G. (2016). *Cybercrime: Criminological, Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal Analysis*. Moscow: Yurlitinform Publishers. (In Russian).
- Timm, C., & Perez, R. (2010). Chapter 3—Phishing Attacks. In C. Timm & R. Perez (Eds.), *Seven Deadliest Social Network Attacks* (pp. 43–61). Boston: Syngress. doi: 10.1016/B978-1-59749-545-5.00003-3
- Vasilyeva, A. (2020). Physicians Alliance [Video content about the activities of the medical community during the pandemic]. Retrieved from <https://www.youtube.com/c/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%92%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B9> (In Russian).
- Vikhryan, A. P. (2016). *The Internet as a factor in the radicalization of young people's consciousness*. 117–122. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University). (In Russian).
- Vikhryan, A. P., Sinitsyn, I. M., & Tiunov, S. V. (2018). *Health of the Nation as a Factor in Information and Psychological Security of Russian Society*. 27–53. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). (In Russian).
- Voloshin, V. M. (2005). *Post-Traumatic Stress Disorder: Phenomenology, Clinic, Systematics, Dynamics, and Current Approaches to Psychopharmacotherapy*. Moscow: Anaharsis. (In Russian).
- Watkins, L. E., Sprang, K. R., & Rothbaum, B. O. (2018). Treating PTSD: A Review of Evidence-Based Psychotherapy Interventions. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 12. doi: 10.3389/fnbeh.2018.00258
- Wheaton, M. G., Abramowitz, J. S., Berman, N. C., Fabricant, L. E., & Olatunji, B. O. (2012). Psychological Predictors of Anxiety in Response to the H1N1 (Swine Flu) Pandemic. *Cognitive Therapy and Research*, 36(3), 210–218. doi: 10.1007/s10608-011-9353-3